

УДК 330.34
DOI 10.17513/fr.43864

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: КРИЗИС КАК ИМПУЛЬС ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ИНДУСТРИИ

Курникова М.В., Нижегородов А.В.

ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара,
e-mail: mvkurnikova@gmail.com

В настоящей статье исследуется влияние структурного экономического кризиса 2022–2025 гг. на трансформацию российской экономики и механизмы перераспределения ресурсов из сырьевых и низкотехнологичных секторов в высокотехнологичные отрасли. На основе анализа данных Росстата за 2011–2024 гг. выявлены ключевые тренды структурной трансформации российской экономики: сокращение доли добывающей промышленности в ВВП, устойчивый рост обрабатывающих производств и резкое падение строительного сектора. Использование SWOT-анализа позволило оценить противоречия внутри секторов: сырьевой комплекс сохраняет роль бюджетного «донора», тогда как обрабатывающая промышленность демонстрирует значительный потенциал за счет импортозамещения в IT и машиностроении. Результаты подтверждают, что кризис стал катализатором частичной реиндустриализации, однако ее успехи носят неравномерный характер: рост высокотехнологичных отраслей компенсируется стагнацией низкотехнологичных производств (таких как деревообработка, нефтепереработка). Авторы выделяют риски фрагментарности изменений, среди которых: зависимость от сырьевой ренты и дефицит квалифицированных кадров для цифровой трансформации и инновационного развития. Исследование подчеркивает, что структурный кризис создал важное «окно возможностей» для перехода к инновационной модели, но его успешная реализация требует системной координации мер государства, бизнеса и научного сообщества.

Ключевые слова: реиндустриализация, импортозамещение, высокотехнологичные отрасли, обрабатывающая промышленность, кризис, сырьевой сектор, строительный сектор

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN ECONOMY: THE CRISIS AS A DRIVER FOR THE TRANSITION TO HIGH-TECH INDUSTRY

Kurnikova M.V., Nizhegorodov A.V.

Samara State Economic University, Samara, e-mail: mvkurnikova@gmail.com

The article investigates the impact of the structural economic crisis of 2022–2025 on the transformation of the Russian economy and the mechanisms of resource redistribution from raw material and low-tech sectors to high-tech industries. Based on an analysis of Rosstat data from 2011 to 2024, the study identifies key trends in the structural transformation of the Russian economy: a decline in the share of the extractive industry in GDP, steady growth in manufacturing, and a sharp contraction in the construction sector. The use of SWOT analysis made it possible to assess internal contradictions within the sectors: the raw materials complex continues to play the role of a budget “donor,” while the manufacturing industry demonstrates potential through import substitution in IT and engineering. The results confirm that the crisis has acted as a catalyst for partial reindustrialization; however, its successes are uneven: the growth of high-tech industries is offset by stagnation in low-tech sectors (such as woodworking and oil refining). The authors highlight the risks of fragmented changes, including dependence on resource rents and a shortage of personnel for digital transformation. The study emphasizes that the structural crisis has created a “window of opportunity” for the transition to an innovation-driven model, but its realization requires systematic coordination of measures by the state, business, and the scientific community.

Keywords: crisis, reindustrialization, import substitution, high-tech industries, manufacturing sector, extractive sector, construction sector

Введение

Экономические кризисы традиционно играют роль катализаторов структурных преобразований в российской экономике. Исторический опыт кризисов 1998, 2008 и 2014 гг. показал, что периоды острого экономического напряжения зачастую становятся отправной точкой для масштабных реформ и изменений в отраслевой структуре хозяйства [1, 2].

Современный кризис 2022–2025 гг., вызванный внешнеполитическими и внутренними факторами (в первую очередь

ужесточением санкционного давления, вслед за которым последовали рост ключевой ставки и стагнация сырьевого сектора), вновь поставил перед Россией задачу поиска новых точек роста.

В условиях ограниченного доступа к традиционным рынкам и технологиям, а также снижения эффективности экспортно-сырьевой модели, российская экономика сталкивается с необходимостью ускоренного развития высокотехнологичных отраслей [3]. На этом фоне наблюдается заметное оживление в обрабатывающей промышлен-

ности¹, прежде всего в сферах машиностроения и химии, в то время как добывающие отрасли демонстрируют признаки стагнации².

В научной литературе широко обсуждается необходимость и возможности структурной трансформации российской экономики [4, 5], а также роль кризисных периодов как катализаторов перехода к инновационно-индустриальной модели развития [6, 7]. Современные российские исследования подчеркивают необходимость перехода от экспортно-сырьевой модели к инновационно-индустриальной парадигме [8]. В ряде работ отмечается, что структурная трансформация – это не только реакция на внешние вызовы, но и стратегический инструмент для достижения технологического суверенитета [9]. Особое внимание уделяется роли государства в регулировании этих процессов [10], а также анализу зарубежного опыта, где сочетание рыночных и государственных механизмов позволило ускорить переход к новым технологическим укладам [11]. Важным элементом обсуждения становится и развитие инновационно-инвестиционной сферы, необходимой для формирования современной индустриальной базы [12]. Ключевым фактором успеха трансформации признается развитие человеческого капитала, включая адаптацию трудовых ресурсов к новым технологиям и требованиям меняющегося рынка труда через эффективные системы образования и переподготовки [13, 14]. Таким образом, учитывая комплексность и многогранность процессов структурной трансформации, особенно важно исследовать, каким образом текущий экономический кризис влияет на динамику и направления этих изменений в российской экономике.

Цель исследования – оценить влияние текущего экономического кризиса на структурные изменения в российской экономике, выявив ключевые механизмы перераспределения ресурсов в высокотехнологичные сектора. Гипотеза исследования основана на предположении о том, что именно структурный характер текущего кризиса создает предпосылки для долгосрочной реиндустриализации и формирования новой модели экономического роста, основанной на инновациях и технологическом развитии.

¹ В России заявили о рекордном росте производства в ключевой отрасли. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2024/12/25/v-rossii-zayavili-o-rekordnom-roste-proizvodstva-v-klyuchevoj-otrasli/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Эксперты увидели признаки стагнации в промышленности России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/eksperty-uvideli-priznaki-stagnatsii-v-promyshlennosti-rossii-20250428-0922/> (дата обращения: 28.04.2025).

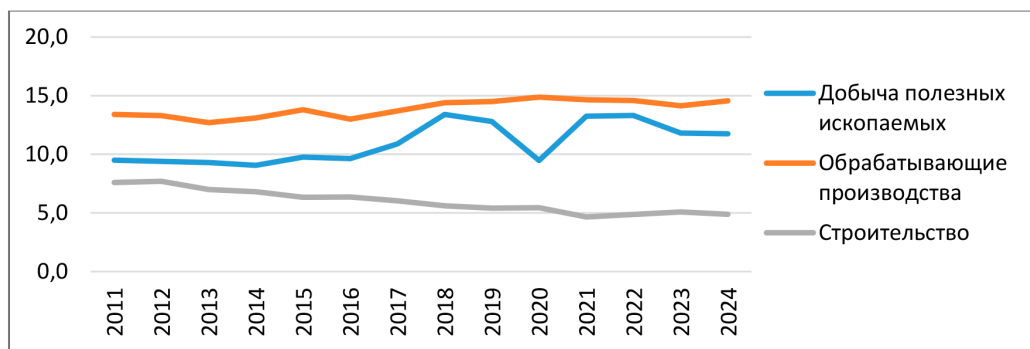
Материалы и методы исследования

В рамках реализации указанной цели применен комплекс методов, сочетающий количественный анализ с качественными экспертно-аналитическими процедурами. Основу методологии составили: анализ официальной статистики (данные Росстата), структурное сравнение динамики долей отраслей в ВВП, а также SWOT-анализ ключевых секторов экономики для выявления механизмов перераспределения ресурсов в условиях кризиса, доказавших свою эффективность в решении аналогичных научных задач [15].

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ динамики долей ключевых секторов в ВВП (2011–2024 гг.) (рисунок) выявил противоречивые тренды, отражающие влияние кризиса на структурные изменения. Добыча полезных ископаемых, достигнув пика в 13,4% ВВП в 2018 г., к 2024 г. сократилась до 11,7%. При этом обрабатывающая промышленность демонстрирует устойчивость: ее доля выросла с 13,4% (2011) до 14,6% (2024), несмотря на краткосрочные колебания. Особенно заметен довольно умеренный рост в 2022–2024 гг. (+0,5 п.п.), совпавший с активным импортозамещением в машиностроении и химической отрасли, который позволяет говорить о начале формирования «несырьевого каркаса» экономики, чему способствуют как адаптация бизнеса, так и точечная государственная поддержка. Строительный сектор, напротив, продолжает терять позиции: доля снизилась с 7,6 до 4,9%, что связано с кризисом льготной ипотеки и сокращением инвестиций в многоквартирное жилье.

Анализ структуры обрабатывающей промышленности России по долям в ВВП за последние годы демонстрирует как сохранение лидирующих позиций традиционных отраслей, так и значимые сдвиги в сторону более высокотехнологичных и наукоемких производств (табл. 1). На протяжении всего рассматриваемого периода крупнейший вклад в ВВП обеспечивают производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий, а также производство кокса и нефтепродуктов. Доля пищевой промышленности в 2021–2024 гг. сохраняется на уровне 1,8–1,9%, а вклад нефтепереработки снижается с 2,3 до 2,1%. Особенно заметно сокращение доли отраслей, ориентированных на первичную переработку сырья и строительные материалы: производство прочей неметаллической минеральной продукции уменьшилось с 2,9 до 2,1%, а обработка древесины – с 0,4 до 0,2%.

Удельный вес добычи, обрабатывающей промышленности и строительства в ВВП РФ, 2011–2024 гг.
 Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. [Электронный ресурс].
 URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.04.2025)

Таблица 1

Изменение долей в ВВП по технологическим группам
 обрабатывающих отраслей, 2021–2024 гг.

Группа отраслей / отрасль	Доля в ВВП, %		Абсолютное изменение, %	Темп роста, п.п.
	2021 г.	2024 г.		
<i>Высокотехнологичные</i>	2,0	2,4	0,4	20
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	0,4	0,4	0	0
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	0,5	0,9	0,4	80
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	0,5	0,4	-0,1	-20
Производство прочих транспортных средств и оборудования	0,6	0,7	0,1	17
<i>Среднетехнологичные</i>	3,7	4,3	0,6	16
Производство химических веществ и химических продуктов	1,4	1,3	-0,1	-7
Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,3	0,4	0,1	33
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,8	1,2	0,4	50
Производство электрического оборудования	0,3	0,3	0	0
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,4	0,5	0,1	25
Ремонт и монтаж машин и оборудования	0,5	0,6	0,1	20
<i>Низкотехнологичные</i>	9,0	8,5	-0,5	-6
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	1,8	1,9	0,1	6
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	0,2	0,3	0,1	50
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	0,4	0,2	-0,2	-50
Производство бумаги и бумажных изделий	0,3	0,3	0	0
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	0,1	0,1	0	0
Производство кокса и нефтепродуктов	2,3	2,1	-0,2	-9
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	2,9	2,1	-0,8	-28
Производство металлургическое	0,8	1,2	0,4	50
Производство мебели, прочих готовых изделий	0,2	0,3	0,1	50

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.06.2025).

Таблица 2

SWOT-анализ ключевых секторов российской экономики

	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Строительство
Сильные стороны	– большой природно-ресурсный потенциал; – развитая инфраструктура добычи; – квалифицированные кадры	– рост высокотехнологичных отраслей; – гибкость и инновационный потенциал; – импортозамещение	– значительный вклад в экономику и занятость; – опыт реализации инфраструктурных проектов; – наличие спроса
Слабые стороны	– зависимость от мировых цен и санкций; – низкая добавленная стоимость; – экологические риски	– ограниченный доступ к технологиям; – нехватка квалифицированных кадров; – зависимость от сырья	– стагнация многоквартирного жилья; – высокая себестоимость и низкая инновационность; – ограниченный доступ к финансированию
Возможности	– развитие высокотехнологичной переработки; – новые международные партнерства; – государственная поддержка	– государственная поддержка инноваций; – рост внутреннего и экспортного спроса; – создание технологических кластеров	– развитие регионального и социального жилья; – внедрение современных технологий; – реформирование финансовых инструментов
Угрозы	– усиление санкций; – сокращение мирового спроса; – ужесточение экологических норм	– технологическая изоляция; – конкуренция зарубежных производителей; – макроэкономические риски	– падение спроса на дорогостоящее жилье; – усиление конкуренции; – рост стоимости материалов

Источник: составлено авторами.

На этом фоне выделяется рост высокотехнологичных и среднетехнологичных секторов. Совокупная доля высокотехнологичных отраслей увеличилась с 2,0 до 2,4% (+20%), главным образом за счет бурного роста производства компьютеров, электронных и оптических изделий – с 0,5 до 0,9% (+80%), а также увеличения вклада производства прочих транспортных средств и оборудования. В то же время фармацевтическая промышленность сохранила свою долю на уровне 0,4%, а производство автотранспортных средств даже немного снизилось. Среди среднетехнологичных отраслей особенно заметен рост производства готовых металлических изделий – с 0,8 до 1,2% (+50%), резиновых и пластмассовых изделий, а также стабильное увеличение доли ремонта и монтажа машин и оборудования.

Машиностроительные отрасли в целом демонстрируют положительную динамику, несмотря на отдельные колебания: производство машин и оборудования, ремонт и монтаж, а также производство электрического оборудования стабильно увеличивают свой вклад в ВВП, что свидетельствует о продолжающейся модернизации производственных мощностей.

Как видим, структура обрабатывающей промышленности России становится более диверсифицированной и ориентированной

на высокие переделы, подтверждающей начало формирования нового промышленного каркаса экономики. Для достижения цели статьи проведем SWOT-анализ сырьевого, строительного и обрабатывающего секторов для выявления факторов, влияющих на перераспределение ресурсов в условиях кризиса (табл. 2).

Структурный кризис 2022–2025 гг., в отличие от предыдущих экономических потрясений, активизировал механизмы, которые не просто замещают утраченные импортные цепочки, но и формируют новую логику распределения ресурсов. Санкционное давление, нарушившее доступ к критическим технологиям и рынкам, выступило катализатором для переориентации капитала и трудовых ресурсов в сектора с высокой добавленной стоимостью. Так, рост доли обрабатывающей промышленности в ВВП, особенно в условиях высокой ключевой ставки ЦБ, указывает на способность бизнеса адаптироваться к ограничениям через гибкость ассортимента и локализацию производств. Однако ключевым драйвером здесь стала не только рыночная адаптация, но и целенаправленная государственная политика: субсидии на НИОКР в машиностроении и поддержка экспорта несырьевой продукции создали «точки роста» даже в условиях макроэкономической нестабильности.

Вместе с тем структурные изменения происходят на фоне противоречий между унаследованными слабостями и новыми возможностями. Сырьевой сектор, несмотря на сжатие, сохраняет роль «донора» бюджета, но его зависимость от внешней конъюнктуры (например, падение цен на нефть в 2023–2024 гг.) ограничивает возможности для реинвестирования в высокие переделы. Обрабатывающая промышленность, используя кризис как «окно возможностей», демонстрирует способность к импортозамещению даже в условиях технологической изоляции: рост производства компьютеров и электроники частично компенсирует потерю доступа к зарубежным компонентам.

Строительный сектор, напротив, оказался в ловушке низкой инновационности: стагнация многоквартирного жилья и зависимость от бюджетных субсидий обнажили необходимость реформ. Перспективы его восстановления связаны не с возвратом к прежней модели, а с переходом к новым форматам – развитию социальной аренды и цифровизации стройкомплекса, что требует пересмотра финансовых инструментов (например, внедрение стройсберкасс).

Структурные сдвиги, инициированные кризисом, подчеркивают необходимость переосмысления роли государства в экономике. Если в сырьевом секторе доминируют крупные корпорации с госучастием, то рост высокотехнологичных отраслей (ИТ, электроника) во многом обеспечен малыми и средними предприятиями, которые демонстрируют гибкость в условиях неопределенности. Это создает парадокс: с одной стороны, государство вынуждено усиливать контроль над стратегическими отраслями из-за санкций, с другой – децентрализованная модель управления в обрабатывающей промышленности оказывается более эффективной для инноваций. Например, успехи в производстве электронных компонентов связаны с локальными стартапами, а не с госкорпорациями, что указывает на важность поддержки малого бизнеса через упрощение регуляторных процедур и доступ к венчурному финансированию.

Заключение

Анализ отраслевых изменений в российской экономике в условиях кризиса 2022–2025 годов подтверждает гипотезу о его глубоко структурном характере. Сокращение доли добывающей промышленности в ВВП на фоне роста обрабатывающих секторов, прежде всего в ИТ и машиностроении, свидетельствует о формировании предпосылок для новой модели экономического разви-

тия. Санкционное давление и нарушение глобальных цепочек поставок, вопреки первоначальному ожиданию, выступили ускорителями процессов импортозамещения и локализации ключевых технологий, что особенно заметно в электронике. Вместе с тем эти достижения остаются фрагментарными: сохраняющаяся зависимость от сырьевого экспорта и стагнация низкотехнологичных отраслей указывают на сохраняющиеся риски неполной реиндустриализации, когда рост отдельных сегментов не приводит к системной трансформации экономики в целом.

Перспективы перехода к устойчивой высокотехнологичной модели зависят от способности российской экономики преодолеть ключевые противоречия. Во-первых, необходимо усилить интеграцию регионов в национальные производственные цепочки, избежав формирования «двухскоростной» экономики. Во-вторых, критически важна синхронизация мер господдержки: снижение ключевой ставки для стимулирования инвестиций должно сопровождаться целевыми программами подготовки кадров и налоговыми льготами для НИОКР. Наконец, строительный сектор, переживающий кризис модели многоквартирного жилья, требует перезагрузки через развитие социальной аренды и цифровизацию. Только через системное развитие высокотехнологичных отраслей и эффективное перераспределение ресурсов возможно обеспечить устойчивый экономический рост и конкурентоспособность России на мировой арене в условиях меняющейся глобальной конъюнктуры.

Список литературы

1. Минакир П.А. 25 лет реформ: истоки // *Пространственная экономика*. 2017. № 1. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2017.1.007-016. EDN: YSQCIV.
2. Коробейников М.А. Стратегия для России: как выйти из ямы и когда перейдем от латания дыр к программе развития и экономического роста? // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2016. Т. 197. № 1. С. 171–179. EDN: WAEGVB.
3. Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В. Новые вызовы для экономики Российской Федерации и пути их преодоления в условиях санкций // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2023. Т. 19. № 1 (418). С. 4–21. DOI: 10.24891/ni.19.1.4. EDN: EHSTGH.
4. Буклемишев О.В. «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика // *Проблемы прогнозирования*. 2023. № 4 (199). С. 42–53. DOI: 10.47711/0868-6351-199-42-53. EDN: TLAITD.
5. Широ А.А. Российская экономика – возможности структурно-технологического маневра // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023. Т. 241. № 3. С. 61–71. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-61-71. EDN: SINWUE.
6. Никонова А.А. Ориентиры изменения модели научно-технологического развития России и выхода из кризиса,

по академику Д.С. Львову // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 2. С. 289–306. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.289-306. EDN: JUWAQB.

7. Колташов В.Г. Посткризисная эпоха социальных реформ: какие изменения диктует природа большого кризиса 2008–2020 годов // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31. № 2. С. 15–24. DOI: 10.20410/2073-7815-2020-31-2-15-24. EDN: RKNPDV.

8. Фролов И.Э., Борисов В.Н., Ганин Н.А. Проблемы перехода к инновационному развитию российской экономики в условиях форсированного импортозамещения // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 67–81. DOI: 10.47711/0868-6351-199-67-81. EDN: PYSZY.

9. Городецкий А.Е. Технологический переход: экономический кризис, санкции и новая технологическая повестка дня // Экономическое возрождение России. 2022. № 3 (73). С. 71–88. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-71-88. EDN: FRANOY.

10. Пенькова И.В. Трансформация роли государственного сектора экономики сквозь призму социально-экономической безопасности // Новое в экономической кибернетике. 2022. № 2. С. 161–171. EDN: XTFVYS.

11. Шумаев В.А., Дивуева Н.А., Лукашева Н.А. Зарубежный опыт организации инновационного развития экономики // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2021. № 2 (32). С. 28–39. DOI: 10.35264/1996-2274-2021-2-28-39. EDN: XIQNPB.

12. Чиркунова Е.К. Драйверы стратегического развития инновационной цифровой экономики: макро- и мезоуровень // Экономика и управление: теория и практика. 2020. Т. 6. № 2. С. 79–84. EDN: TAASNR.

13. Максимов М.И., Атавов Д.М. О роли образования и технологий в развитии человеческого капитала в экономике знаний // Прикладные экономические исследования. 2024. № 3. С. 96–103. DOI: 10.47576/2949-1908.2024.3.3.011. EDN: DORUML.

14. Курникова М.В., Болгов С.А. Государственная политика в сфере образования: территориальный и транспортно-отраслевой аспект // Вестник СамГУПС. 2025. № 1 (67). С. 12–20. EDN: MXEEYD.

15. Когденко В.Г. Методика секторального анализа экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2022. Т. 21. № 2 (521). С. 200–227. DOI: 10.24891/ea.21.2.200. EDN: KFBXZZ.